

**«Мы должны уйти от драматического противопоставления
идеологических клише»**

Выступление на круглом столе «Россия: определился ли новый вектор?»

Андрей Медушевский

доктор исторических наук, НИУ «Высшая школа экономики»

Существует, как известно, много типологий цивилизаций. Само это понятие – крайне неопределенное и этим опасное. Можно говорить о цивилизации на основании религии, на основании регионализации, на основании расовых различий, национальных различий и т.д.

Консервативная мысль апеллирует именно к российской цивилизации. Современная дискуссия, которую мы наблюдаем сейчас, сводится к вопросу о том, является ли Россия частью европейской цивилизации (я придерживаюсь именно этой позиции).

Другая позиция состоит в том, что Россия является евразийской цивилизацией.

Третья позиция состоит в том, что Россия является уникальной цивилизацией, противостоящей как Востоку, так и Западу.

Я думаю, что с научной точки зрения цивилизационный подход чрезвычайно уязвим: он очень абстрактен. Но важно выделить, несколько компонентов консервативного, реставрационного мышления.

Первый из этих компонентов исходит из того, что существуют постоянные и в принципе неизменные интересы цивилизации или, можно сказать, империй.

Второй тезис состоит в том, что главный конфликт разворачивается между глобальным Западом и глобальным Востоком.

Третья позиция – она усилилась особенно после распада Советского Союза, - состоит в том, в результате разрушения биполярной конструкции международной безопасности одна цивилизация, то есть западная (США и Европа), стали в мире доминирующими. Они навязывают остальным свои ценности и стереотипы - из этого вытекает идея исторической миссии России, которая состоит в том, чтобы противостоять западной экспансии.

Эта доктрина основана на холистическом, подходе к отношениям общества и государства. Западная цивилизация – это цивилизация, которая основана на праве, в том числе в религиозном смысле. Это договор между человеком и Богом, фактически юридически закрепленный, гарантирующий индивидуальное спасение.

Россия с этой точки зрения – это особая православная цивилизация, где речь идет о коллективном спасении, где нет права, нет договора, а есть только некое эмоциональное состояние, которое приведет к торжеству этих идей, в конечном счете. Это мессианская идея.

Я думаю, что сама логика этих рассуждений, конечно, должна быть поставлена под сомнение. Мы должны переосмыслить эту концепцию в рациональных научных понятиях для того, чтобы что-то ей противопоставить.

Говорится, что существуют разные проекты, но романтическая мысль как раз отрицает существование проектного мышления как такового. Когда президента Путина спросили, как он относится к проекту «Россия», он, как известно, ответил, что Россия – это не проект, а судьба. Это как раз и есть классическое выражение данной романтической постановки вопроса.

Второй большой блок проблем, которые нам следовало бы обсудить, это вопрос о том, до какой степени история, историческое сознание влияет на современное положение вещей.

В ряде выступлений очень четко проводится мысль, что существует некий исторический детерминизм, что Россия всегда имела такую политическую и социальную систему, которая приводит к воспроизводству деспотии.

Наиболее четкое выражение это получило в ряде концепций, в частности в концепции русской системы, которая исходит из того, что в России всегда были соединены власть и собственность, что государство всегда подавляло общество, и, следовательно, так было и так будет. И никакой альтернативы деспотизму не существует. Вся российская история, исходя из этого, предстает как конфликт периода разрушения и восстановления стабильности, и все общество делится на людей, которые поддерживают эту стабильность и людей, которые «мешают» стабильности.

Отсюда возникает политизированная и совершенно тенденциозная оценка различных периодов русской истории. Отрицаются периоды либеральные, связанные с модернизацией, как например великая реформа Александра II или даже реформа Столыпина и, безусловно, реформа Горбачева, которая рассматривается как национальное предательство – причем концепция заговора здесь играет большую роль.

И, напротив, на первый план выдвигаются исторические персонажи, которые якобы укрепляли российскую государственность. К их числу относится, безусловно, Иван Грозный, Александр III и Сталин.

Таков круг этих идей. Надо сказать, что эти идеи многие рассматривают как чисто российский феномен, но он не является чисто российским, он имеет вполне сопоставимые корни в Европе.

По существу это консервативные идеи межвоенного периода, которые были распространены в Германии и не только в Веймарской Республике, но и в предшествующий период. Идея незавершенного государства; идея, что нужно восстановить историческое пространство; идея, что Германия имеет особый путь; идея, что национальное величие может быть достигнуто через реализацию националистической или даже расовой программы и через создание империи .

Здесь очень важно обратиться к опыту Германии, которая смогла после Второй мировой войны отказаться от этих стереотипов. Существовала очень большая историческая дискуссия в Германии, которая выявила воспроизводство этих стереотипов и этих схем в немецкой литературе. Произошло полное переосмысление имперской концепции истории, была переосмыслена роль Бисмарка, и многие националистические милитаристские кумиры прошлого – от Фридриха Великого до Кайзера Вильгельма и Бисмарка – были развенчаны.

Я полагаю, что нам важно заняться этой работой, потому что манипулирование историей, причем на уровне не только искажения фактов, а селективного подбора фактов, – очень опасная тенденция, которая, в частности, проявилась в недавно подготовленном культурно-историческом стандарте, разработанном в Академии наук, между прочим, хотя много говорится о том, что ее «плохо реформируют».

Суть этой концепции заключается в том, что, например, 90-е годы – это полный упадок, перестройка – это разрушение страны, и необходимо восстановить сильную власть. И приводится соответствующий исторический ряд для того, чтобы эту тенденцию обосновать.

Я думаю, что основное поле битвы между этими консервативно-романтическими идеями и идеями рациональной научной истории разворачиваются сейчас как раз в области объяснения ценностей и традиций русской истории.

Каким образом эти консервативные идеи могут повлиять на дальнейшее развитие страны? Безусловно, как всякие романтические идеи они не имеют никакого отношения к науке, но тем они опаснее, потому что чрезвычайно востребованы массовым сознанием.

Суть программы реставрации в этом смысле имеет три важнейших параметра. Если мы возьмем консервативную литературу, то здесь выдвигается, во-первых, идея морального возрождения нации, и моральный подъем возможен путем преодоления этой психологической дезориентации в обществе. При этом выдвигается большой спектр различных изменений, в том числе и на семантическом уровне – уровне понятий. Предлагается, например, создать особую русскую политологию, особую русскую социологию (например, в МГУ она развивается активно).

Более того, предлагается реформа русского языка, основанная на том, что надо выбросить из русского языка иностранные слова. Говорится о том, что надо изменить законодательство об Интернете с целью его ограничения под разными предлогами. Говорится даже о том, что надо изменить законодательство о туризме, чтобы русские люди не ездили за границу, а сидели у себя дома. То есть иногда это приобретает гротескные формы.

Вторая важная часть этой реставрационной программы – это, конечно, экономическая. Я имею в виду тезис о том, что надо противопоставить солидарность либерализму, но как раз это и есть кредо консервативной политической романтики.

Она исходит из этого, что результатом реформ стала экономическая дифференциация населения и необходимо пересмотреть этот вопрос с позиции солидаризма. Предлагается,

фактически, концепция автаркического государства, отсюда – критика Международного валютного фонда, ВТО, идеи о пересмотре положений о частной собственности на землю – целая экономическая программа, которая, разрабатывается в последнее время очень интенсивно некоторыми экспертами.

И третий важный блок этих инициатив - а я считаю, что это взаимосвязанные факторы, - это, конечно, концепция конституционной реформы. Я подчеркну только важнейшие моменты.

Это, во-первых, отмена ценностно-беспристрастного характера позитивного права, имеется в виду отмена статьи 13 о плюрализме и введение в Конституции концепции единой государственной идеологии.

Во-вторых, это пересмотр концепции светского характера государства и образования, что очень важно. Фактически это феномен клерикализации общества, официально поощряемый в этом направлении.

И третье – это, конечно, пересмотр и ограничение прав человека и либеральных свобод.

Важнейшими документами, где предлагается эта программа, являются Манифест просвещенного консерватизма Михалкова, проект «Россия» и Русская доктрина. Также можно сказать отчасти, что некоторые из этих идей были востребованы в Валдайской речи президента, который ссылаясь, как известно, на Солженицына и Леонтьева и говорил об особенностях, о корнях российской цивилизации.

Крайние представители этого направления доходят даже до того, что говорят об особом генетическом коде цивилизации.

По существу, однако, все это очень не ново. И я хотел бы обратить на это ваше внимание.

Это идеи, взятые из багажа консервативной романтики эпохи Бисмарка, Наполеона III, из Веймарской Германии, из Италии и Испании периода корпоративистских режимов, которые существовали в межвоенный период. И идеи, которые, между прочим, присущи в очень активной форме современному западному консервативному сознанию, которое наращивает, кстати говоря, свои позиции, в том числе, в парламентах Швеции, Франции, и в Германии этот процесс тоже идет очень активно.

Таким образом, я не стал бы и в этом отношении говорить о какой-то цивилизационной специфике России, а сказал бы, что существует некий глобальный тренд, из которого российская политическая бюрократия выбирает то, что ей представляется актуальным на современном этапе.

И завершается вся эта логика политической романтики, естественно, концепцией империи – по существу речь идет о восстановлении сильной власти, которая не связана никоим образом с разделением властей. И для этого предлагается радикальная реформа Конституции.

Это выражается понятием «консервативной революции», которая должна уничтожить нынешнюю Российскую Конституцию 1993 года. Для этого нужно созвать учредительное

собрание или земский собор, который примет новую конституцию. Новая конституция будет основана на идеях соборности, то есть бесконфликтности отношений общества и государства. Тем самым будет положен конец либеральным нововведениям перестройки и 90-х годов, которые якобы отторгаются российским обществом.

Ясно, что все это не так. Ситуация здесь гораздо сложнее, и по существу можно говорить о том, что действительно происходит подмена понятий, происходит манипулирование сознанием, которое становится возможно в совершенно новых и не известных ранее формах информационных войн или информационных конструкций.

Особенность этих конструкций заключается в том, что они не просто навязывают людям определенные представления, как это было в советскую эпоху в виде пропаганды. Подобные технологии устроены таким образом, что они подводят малообразованного человека к идее, что он сам нечто открыл. Это очень важный момент: эти технологии действуют на уровне не просто повторения, как это было раньше, а на уровне сознательного перепрограммирования поведения личности на когнитивном уровне, что делает их весьма эффективными.

Что из этого следует и какова должна быть здесь позиция интеллигенции?

Мне представляется, что главный вывод, который мы можем сделать, состоит в том, что консервативная романтика, как это было и в Веймарской Республике, есть объективный фактор современного развития. Она связана с кризисом общественного сознания в результате распада Советского Союза, в результате трудностей экономических и политических реформ последующего времени и представляет собой известную системную реакцию на этот кризис.

Думаю, что с этим все согласятся. И это подтверждается результатами социологических опросов: очень большой процент населения поддерживает сильную власть, видя в ней антитезу анархии, что также коррелируется с опросами, показывающими позитивную оценку Сталина со стороны большей части молодежи.

На мой взгляд, воспринимая этот феномен как данность, мы должны расчленить его на его составляющие элементы.

Вполне возможно было бы либерально переосмыслить и изменить на семантическом уровне некоторые представления консервативной романтики для того, чтобы использовать их в интересах либерализма.

Я не думаю, что правильна формула русской поговорки о том, что «хоть горшком назови, только в печь не ставь». Как раз современная эпоха характеризуется тем, что, если вы по-другому назовете этот горшок, он будет функционировать в общественном сознании совершенно иным способом. Китайцы показали, что можно назвать экономику коммунистической и сделать ее рыночной.

Таким образом, именно изменение на семантическом уровне, если угодно, даже подмена понятий – это то, что делают консервативные романтики. Почему же не делать этого либералам?

Второй момент состоит в том, что нужно в этой конструкции вычленить ядро агрессивной консервативной романтики, по существу – неофашистские идеи, которые представляют безусловную опасность не только для либерализма, но и для политической власти. И с ними нужно, безусловно, работать очень внимательно, показать их реакционный компонент и показать их неприемлемость не только для европейского выбора страны, но и для существования страны в целом.

Наконец, нужно различать, по-моему, неодинаковые социальные функции этой консервативной политической романтики. Здесь есть, конечно, общекультурные функции или, скажем так, поиск национальной идентичности – почему бы и нет? Но и есть и функция легитимации власти, и есть функция откровенного провоцирования различных конфликтов.

Учитывая, что этот феномен чрезвычайно внутренне противоречив, поскольку есть романтики-либералы, есть романтики-фашисты, есть романтики-почвенники - здесь нужна индивидуализация этих направлений и возможное управление этими процессами.

И последнее: что может сделать интеллигенция? Мне представляется, что главный ответ, который должна дать интеллигенция состоит в том, что помимо полноценного анализа этого феномена она должна противопоставить романтическим идеям профессиональную научную конструкцию этих процессов. Это означает, что нужно выработать собственную концепцию - не только чисто научную, но концепцию транслирования своих идей в общество, которую не отторгало бы массовое сознание. Возможно, здесь действительно нужно использовать другие понятия, говорить не о европейских ценностях, как привязанных к определенной территории, а скорее о новом мышлении, используя это понятие Горбачева. Оно скомпрометировано сейчас, но по существу, новое мышление - это действительно цивилизационный выбор мира, а не Европы, не России и не Востока.

Здесь огромное значение имеет элементарное просвещение. И в этом контексте я бы обратил пристальное внимание на реформы образования, на концепции учебников, на методику преподавания, на вариативность подходов, в том числе к изучению российского права, российского конституционализма.

Таким образом, мой общий пафос состоит в том, что мы должны уйти от драматического противопоставления идеологических клише, которые возникли в период холодной войны, и перейти к достаточно конкретному, нюансированному применению определенных понятий, доступных массовому сознанию и способных противостоять той волне реакционной реставрации, которую мы наблюдаем сегодня.